

Великого существуют работы О. Гарнака, А. Остермана, М. Штрауса и др.¹; для времени правления императоров Саксонского дома и Гогенштауфенов можно назвать сочинения Б. Мистакидиса, И. Мольтмана, Г. Капгерра, статьи К. Циммерта и др.².

Кроме того, существует, конечно, значительная литература и на других языках, в частности на русском языке (работа В. Г. Васильевского «Союз двух империй» и др.)³. Надо прямо сказать, что в некоторых из этих работ интересующие автора вопросы рассматриваются гораздо более обстоятельно, чем он делает это в своей книге.

Н. Соколов

F. DÖLGER. DIE BYZANTINISCHE DICHTUNG IN DER REINSPRACHE

München, 1948, SS. 46 (Handbuch der griechischen und lateinischen Philologie, herausgegeben von B. Snell und H. Erbse)

История византийской литературы принадлежит к числу наименее разработанных разделов истории греческого средневековья. Если вопросам политической и экономической истории, искусству, археологии, палеографии посвящено множество отдельных статей и работ общего характера, в которых мы находим попытки очертить основные линии процесса развития, то изучение византийской литературы не пошло дальше частных наблюдений. Византийская литература не стала предметом систематического изучения советского литературоведения, располагающего научным методом марксизма-ленинизма, тогда как буржуазная наука идеалистического и формалистического склада даже и не ставила задачу обобщения конкретных наблюдений. В самом деле, из работ, посвященных истории византийской литературы во всем ее объеме, мы можем назвать, пожалуй, только работы К. Крумбахера, К. Дитериха и рецензируемую книгу Ф. Дельгера⁴. Эти общие очерки страдают рядом серьезных недостатков;

¹ О. Harnack. Das Karolingische und das Byzantinische Reich in ihren wechselseitigen Beziehungen. Göttingen, 1880; M. Strauss. Beziehungen Karls d. Gr. zum Griechischen Reich. Breslau, 1877; A. Ostermann. Karl der Gr. und das Byzantinische Reich. Lugau, 1895.

² В. Mystakidis. Byzantinisch-deutsche Beziehungen zur Zeit der Ottonen. Tübingen, 1892; J. Moltmann. Theofano, die Gemahlin Ottos II, in ihrer Bedeutung für die Politik Ottos I und Ottos II. Göttingen, 1878; H. Kap-herr. Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Strassburg, 1881; K. Zimmerert. Deutsch-Byzantische Konflikt v. Juli 1189 bis Februar 1190; BZ, N 12; его же. Friede zu Adrianopel. Febr. 1190, BZ, N 11.

³ В. Г. Васильевский. Союз двух империй 1148—1155 гг., Труды, т. IV. Л., 1930; его же. Южно-италийская война 1156—1157 гг. (там же).

⁴ К. Krumbacher. Geschichte d. byzantinischen Literatur. München, 1890; издание 2-е, переработанное автором в сотрудничестве с А. Эргардом и Г. Гельцером, вышло в 1897 г. (все ссылки даются по 2-му изданию); Крумбахеру принадлежит также краткий очерк истории греческой средневековой литературы в многотомном издании Die Kultur der Gegenwart, Teil I, Abt. VIII, 1912; K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen u. neugriechischen Literatur, 1902.

Литература IV—VI вв. рассматривается также в книге W. Christ—W. Schmidt—O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, T. II. 6 Aufl. München, 1924. Список исследований не исчерпывается указанными; другие — весьма немногочисленные — работы в этой области, посвященные византийской литературе на всем протяжении ее существования, не представляют никакого интереса и не привле-

мы имеем в виду в первую очередь присущий им эмпиризм, нежелание или неумение перейти от разрозненных фактов к обобщениям, антиисторизм и формализм. Достаточно сказать, что до настоящего момента в буржуазном литературоведении не определился самый объект исследования ни в отношении хронологии, ни в отношении материала. Различные византиноведы расходятся между собой в определении хронологических рамок истории византийской литературы и ее внутренней периодизации; по-разному определяют они и исследуемый материал, произвольно исключая из своего поля зрения прозаическую литературу или, наоборот, включая в историю литературы научные или правовые источники.

Указанные исследователи сознательно или «стихийно» (подобный подход в буржуазном литературоведении давно уже стал общепринятым) отправляются от кантовского определения категории прекрасного, как «незаинтересованного наслаждения», и предметом рассмотрения оказывается поэтому не познавательная сущность византийской литературы, не определенная, отражаемая ею социально обусловленная концепция реальной жизни, а воплощение «незаинтересованной» по своему происхождению и задачам асоциальной эстетической ценности, с точки зрения которой оценивается то или иное явление; в результате этого вся жизнь византийской литературы, в которой исследователи видят только совокупность памятников, предстает в виде имманентного развертывания этого оторванного от истории общества прекрасного. С этой точки зрения буржуазные литературоведы рассматривают подъемы и спады византийской литературы, определяют художественные достоинства отдельных произведений; с этой концепцией связаны и пренебрежение вопросами хронологии и периодизации, и интерес к жанрам, предстающим как единственное воплощение асоциальной категории прекрасного. Все длительное, охватывающее более тысячи лет существование среднегреческой литературы не рассматривается буржуазной византистикой как социально-обусловленный процесс; в этой литературе находят лишь нечто качественно однородное, не претерпевающее с течением времени никакого развития и изменения. Этот антиисторический взгляд на одно из важнейших проявлений культуры византийского общества филологи почерпнули в соответствующих буржуазных работах по истории Византии, авторы которых признают в своем подавляющем большинстве специфической особенностью Византии неподвижность и неспособность к развитию. Перенесенный на почву византийской литературы взгляд этот сказался весьма отрицательно на судьбах ее изучения, и филологи считали необходимым заниматься не исследованием процесса развития византийской литературы, а описанием ее якобы целиком обусловленного античной традицией неизменного существования в веках.

Следует отметить, что в русской науке, которой всегда было присуще стремление к обобщениям, уже давно отмечались некоторые из указанных нами пороков исследования византийской литературы. Так, например, А. П. Рудаков писал: «История этой пышной и цветистой литературы еще не вышла из стадии простой регистрации памятников или общей характеристики содержания и биографических данных, — словом того, что можно

кают нашего внимания еще и потому, что они не сыграли роли в формировании взглядов Дельгера, следовавшего, как показывает его работа (см. введение), исключительно немецкой филологической традиции. Дополнительно можно назвать очень сжатую книгу G. Montelatici. Storia della Letteratura byzantina (324—1453), 1916, и вышедший одновременно с сочинением Дельгера небольшой очерк F. H. Marshall. Byzantine Literature, помещенный в «Byzantium», ed. by N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1948.

назвать лишь внешней историей литературных произведений»¹. Перечисленные особенности, свойственные буржуазным работам, посвященным византийской литературе, привели к кризису в этой области знания, и появление новой книги Дельгера, развивающей и сгущающей заключенные в них тенденции, весьма знаменательно. Ее недостатки, особенно наглядно сказывающиеся вследствие сжатости и схематизма изложения, могут быть поняты только после более подробного знакомства с той филологической традицией, которую Дельгер продолжает.

Первой попыткой систематического освещения византийской литературы явилась известная книга К. Крумбахера «История византийской литературы», вышедшая первым изданием в 1890 г. Ее особенностью, сразу обращающей на себя внимание, является, с одной стороны, историческая неоправданность ее хронологических рамок, а с другой — самый характер исследуемого материала, включающего не только литературу в собственном смысле слова, но и все остальные области духовной культуры Византии, оставившие письменные памятники. Хотя автор на первой же странице своего введения признает IV столетие веком возникновения византийской культуры, литературная продукция Византии до 527 г. выводится им за границы рассмотрения, и объект исследования искусственно сужается². То, что литература занимает место рядом с разделами о праве, медицине, математике и других отраслях знания, лишает ее присущей ей, как определенной форме идеологии, специфики. Если хроники, проповеди или духовная поэзия, рассматривавшиеся самими византийцами как сфера литературного творчества, появляются у Крумбахера вполне закономерно, то изучение медицинских сочинений или кодексов права не имеет ничего общего с проблемами развития литературы. Таким образом, самый объект изучения не получает отчетливой дефиниции, и естественно, что автор, не видящий специфичности рассматриваемого им явления, не находит правильных путей к его пониманию. Следовательно, поскольку византийская литература не является для Крумбахера своеобразной формой мировоззрения и познания и ничем не отличается от других форм идеологии, предметом исследования оказывается ее формальный состав, т. е. ведущие якобы самодовлеющее существование жанры. Поэтому длительный период, занимаемый византийской литературой, не рассматривается исторически от эпохи к эпохе; вместо этого Крумбахер расчленяет литературные произведения по отдельным жанрам и описывает представляющие их памятники, соблюдая внутри соответствующего жанрового раздела хронологический принцип. Благодаря этому у читателя не создается исторической перспективы, литература не предстает перед ним в виде социально-обусловленного целостного процесса, а представляет собой каталог статически понятых и описанных, а не исследованных в развитии жанров. Из-за крайнего эмпиризма рассматриваемой работы, не пытающейся обобщить отдельные наблюдения, ее нельзя даже назвать историей жанров византийской литературы.

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 6.

² Крумбахер объясняет это отступление от им же самим выдвинутого и обоснованного принципа желанием избежать повторений, так как литература от IV в. до Юстиниана являлась предметом рассмотрения книги В. Христа, продолжением которой Крумбахер считает свою работу. См. К. Krumphacher. Geschichte, S. 20. Однако впоследствии, когда хронологические рамки византийской истории выяснились для автора более определенно, он не побоялся повторений и в своем кратком очерке, несмотря на наличие соответствующего материала в предыдущем разделе, написанном У. Вилламовиц-Меллендорфом, начинает рассмотрение византийской литературы с IV в.

Не менее существенным моментом, искажающим историческую перспективу, является также, кроме уже упомянутого исключения литературных памятников, возникших до 527 г., выделение в особый раздел литературы на так называемом народном языке, в свою очередь рассматриваемой по жанрам. Таким образом, весь материал дробится по чисто формальному признаку на отдельные замкнутые в себе рубрики. Однако многообразие византийской литературы, сложный и своеобразный процесс ее развития не укладываются в стеснительные рамки жанров и метафизических схем, так что Крумбахер принужден с досадой отметить, что «большинство писателей проявляет себя во многих, часто совершенно различных областях литературного творчества. Вследствие этого возникает хаос, в который с большим трудом можно внести порядок и ясность»¹.

Подход к литературе как к конгломерату жанров, формалистический и антиисторический в своем существе, приводит также к невозможности осмыслить творчество того или иного писателя, ибо читатель нигде не найдет его характеристики в целом, истории эволюции его творчества, заслоненных всюду интересом к формальной стороне литературы. В связи с этим деятели византийской литературы рассматриваются в той жанровой рубрике, которую главным образом представляют своим творчеством, без учета того, что количественное преобладание произведений определенного жанра в ряде случаев не может свидетельствовать о преимущественной значимости их в наследии данного автора, и поэтому рассмотрение его под этим углом зрения не оказывается исторически оправданным.

Чисто эмпирические методы исследований обуславливают то обстоятельство, что крупнейшие византийские писатели не анализируются, а только описываются, регистрируются и наделяются оценочными характеристиками. От века к веку, начиная с античности, все неизменно, и Атталиат, по существу, ничем не отличается от Прокопия, а оба они — от Фукидида; жанры ведут самодовлеющее существование, не развиваясь, и вся византийская литература, таким образом, светит однообразным отраженным светом. Это представление, порожаемое книгой Крумбахера, связано с концепцией византийской культуры, как раз и навсегда сложившейся, не претерпевающей существенных изменений и в значительной мере покоящейся на античных образцах. Крумбахер неоднократно высказывает эту мысль на протяжении своего труда, а с особенной отчетливостью в общих очерках, предпосылаемых большим жанровым разделам. Так, например, подчеркивается, что исторические сочинения византийских авторов не испытывают никаких изменений от VI до XV в., и все в них, и форма, и историческая концепция, основано на подражании античным образцам².

Итак, книга Крумбахера метафизически подходит к материалу, рассматривает его с формальной точки зрения, не поднимается до обобщения, антиисторична в своем построении и существе и является сводом обширного, но сырого материала. Некие общие взгляды на византийскую литературу, высказанные автором во введении, затем оставлены, не применены при конкретном анализе. Во вводном разделе, например (стр. 11 и сл.), делаются замечания об особенностях отдельных этапов развития византийской литературы, высказываются соображения относительно переоценки значения античных влияний (стр. 21—22), звучат даже призывы к рассмотрению литературы в историческом развитии, т. е. как меняющегося, а не застывшего в своей косности явления (правда, тут же говорится, что вплоть до XV в. она не знала значительных сдвигов, см.

¹ К. Кrumbacher. Op. cit., S. 25.

² К. Кrumbacher. Op. cit., S. 227. Ср. общую оценку византийской светской поэзии. Там же, стр. 706.

стр. 22 и 26), утверждается ее самостоятельное значение и специфичность сравнительно с античной литературой (стр. 24), которая, однако, точнее никак не определяется, говорится о взлетах и падениях византийской литературы, критерием которых, очевидно, является личный вкус исследователя, ибо представление о литературе, как социально-обусловленной форме познания мира, Крумбахеру чуждо.

Бросающиеся в глаза недостатки этого обширного компендиума послужили тому, что в более сжатом очерке византийской литературы сам Крумбахер отказался от рассмотрения ее явлений по жанрам, расположил материал по синхронному принципу, уточнил хронологические рамки и самый объект своего исследования. Но и в этом очерке непреодоленными оказались все остальные недостатки его большого труда: здесь мы также не найдем соображений ни о специфичности византийской литературы сравнительно с античной, ни о ее связях с жизнью империи, ни об этапах ее развития. Искусственное изъятие из общего потока явлений византийской литературы памятников, написанных на так называемом народном языке, также значительно искажает наше общее о ней представление. Безотрадная оценка, которую весьма цветистым слогом дает византийской литературе Крумбахер, служит доказательством того, что постижение ее особенностей не продвинулось вперед, и она продолжала оставаться не столько неизвестной, сколько ошибочно определенной областью. «Древняя литература, — пишет Крумбахер, — подобна величественной гористой местности, украшенной вершинами громадных гор, полной видов на необозримые дали, шумящих ручьев, темнозеленых озер и цветущих лугов; творчество византийцев сходствует с широко простирающейся однообразной равниной, лишь изредка разнообразящейся прекрасными возвышенностями и тенистыми, поросшими лесом горами, немного оживляемой лениво струящимися потоками, питаемыми горными источниками, которые часто заболочиваются или теряются в негостеприимных степях»¹.

Аналогичный подход к явлениям византийской литературы характеризует также работу К. Дитериха. Ее автор, подобно Крумбахеру, не видит принципиального отличия византийской литературы от античной, считая, что «византийцы — крещенные александрийцы»², т. е. эпигоны, а их литература в поступательном развитии не знает существенных сдвигов³. На основании этих посылок Дитерих сводит сущность истории византийской литературы к дальнейшему развитию и обобщению под восточным влиянием возникшего в период поздней античности христианского и языческого наследия⁴, — вернее, даже не к обобщению, а к ухудшению этого доставшегося ей, в силу исторической традиции, материала, ибо холодный рационалистический элемент делает ее далекой от подлинной поэтичности литературы античной⁵, подражательство же, как основная тенденция, не может, естественно, свидетельствовать о высшей по сравнению с образцом, стадии.

Дитерих произвольно сужает круг исследуемого материала, занимаясь рассмотрением одной только стихотворной литературы константинопольского происхождения. Оба его положения — необходимость считать в собственном смысле слова литературой только поэзию и отождествление византийской литературы с константинопольской — не обоснованы и должны быть подвергнуты суровой критике. Первое зиждется на ошибочном,

¹ K. Krumbacher. Die griechische Literatur d. Mittelalters. Очерк в «Die Kultur d. Gegenwart», Т. I, Abt. VIII. München, 1912, S. 319.

² K. Dietrich. Op. cit., S. 6. Под «александрийцами» Дитерих имеет в виду представителей позднеантичной языческой культуры IV—V вв.; ср. также стр. 2, 3 и 14.

³ Ibid., S. 19 ff.

⁴ Ibid., S. 29.

⁵ Ibid., S. 14—15, 21.

крайне идеалистическом убеждении в том, что литература есть выражение мира фантазии (*Ausdruck des Phantasielebens*)¹, приводящем автора, при превалировании в византийской литературе прозаических жанров, к неправильному на нее взгляду и устранению самых специфических ее памятников. Основное положение идеалистической эстетики о том, что «истинная» литература уводит в некий далекий от реальности мир фантазии, что она порывает с жизнью и является средоточием «незаинтересованного прекрасного», — заставляет автора отвергнуть наиболее самостоятельные и интересные области византийской литературы, еще ждущие своего исследователя, и признать, что они более тесно, нежели поэзия, были связаны с жизнью государства и общества и поэтому (?) не сыграли никакой роли в развитии новогреческой литературы, судьбами которой автор преимущественно интересуется (стр. 28). Из всего этого ясно видно, что рассмотрение литературы с точки зрения жанров, а не идеологии, приводит к далеко идущим антиисторическим выводам, искажающим понимание литературного процесса в целом.

Второе положение — отождествление византийской литературы с константинопольской — в такой же мере создает неправильное о ней представление; в системе взглядов Дитериха оно играет важную роль, ибо на его основании строится схема периодизации византийской литературы. Невозможно отрицать значительный удельный вес константинопольской литературы; однако это ни в коей мере не позволяет считать, что византийская литература целиком определяется этим понятием; даже во времена культурного главенства Константинополя, несмотря на значительную централизацию и в этой сфере жизни, другие города и области империи участвовали в общей культурной жизни и вносили свой вклад в нее. Сионимическое употребление эпитетов «византийский» и «константинопольский» применительно к литературе зиждется у Дитериха на своеобразном понимании византийского стиля, как космополитически-ученого в противовес национально-народному, создававшемуся вне этого центра и не носившему византийского характера (стр. 28—29). Этот опять-таки формальный подход к византийской литературе, игнорирующий идейное содержание памятника и общественные условия его возникновения, позволяет Дитериху выдвинуть свою периодизацию литературного процесса, выключаящую всю массу так называемой народной литературы и обособляющую литературу IV—V вв. от собственно византийской. Согласно этой схеме позднегреческая литература делится на три периода: эллинистически-александрийский (300—400 гг.), византийский (500—1300 гг.) и новогреческий (1300—1900 гг.) (стр. 1). Следует ли говорить, что с точки зрения научной периодизации истории Византии эта схема не выдерживает критики? Подходя, однако, к описанию (не исследованию!) византийской литературы, Дитерих, не оговаривая этого обстоятельства, отступает от своего деления и членит византийскую литературу на два этапа: расцвет в VI—X вв. и упадок, приходящийся на XI—XV вв. (стр. 30). В то же время, исходя из принципов стиля и «незаинтересованного прекрасного», он исключает из поля зрения, с одной стороны, памятники, написанные на так называемом народном языке, а с другой, всю прозаическую литературу. Следствием очерченной выше концепции византийской литературы является пренебрежительная оценка ее роли; по словам исследователя, она, не имея самостоятельного значения, может представлять интерес только как фактор, повлиявший на культуру Восточной Европы (стр. 21).

Таковы общие выводы и методы изучения византийской литературы, господствовавшие в буржуазной науке к моменту появления рецензируе-

¹ K. Dieterich. Op. cit., S. 28.

мой книги Дёльгера, таков теоретический итог исследований, которому в свежей работе должны быть противопоставлены новые взгляды, добытые пристальным изучением материала. Рецензируемый очерк византийской литературы, не содержит, однако, ни новой общей концепции, ни нового освещения отдельных узловых моментов истории византийской литературы: книга Дёльгера, знаменуя собой определенный регресс, ни в коей мере не может рассматриваться как более высокий, по сравнению с предыдущим, этап изучения особенностей византийской литературы. Если предшественники Дёльгера достигли — для своего времени — полноты и обстоятельности (Крумбахер) и сумели предложить ряд интересных точек зрения по частным вопросам, то Дёльгер, оказавшись не в состоянии противопоставить укоренившимся точкам зрения свою концепцию, повторил их и, ориентируясь на самые регрессивные положения предшествующих работ, сгустил их недостатки, несмотря на то, что за время, истекшее между появлением этих трудов и выходом в свет рецензируемой работы, появилось значительное количество исследований по частным вопросам византийской литературы, уточнивших наше представление о ней.

Рецензируемая книга представляет собой первый выпуск руководства по византийской литературе, составленного автором для выходящего в свет отдельными очерками издания *Handbuch der griechischen und lateinischen Philologie*.

Вся византийская литература по чисто формальному признаку разбита Дёльгером на три очерка: «Византийская поэзия на литературном языке» (предмет нашего рассмотрения), «Византийская проза на литературном языке» и, наконец, «Византийская литература на народном языке». Мы видим, что у предшественников заимствуется самый неплодотворный и наиболее антиисторический метод подхода к материалу, от которого сам Крумбахер в конечном счете счел нужным отказаться и от которого частично отошел и Дитерих. Материал византийской литературы располагается, таким образом, Дёльгером по принципу жанровой, а не хронологической принадлежности памятника, причем в рамках каждого жанра он механически дробится на рубрики светской, духовной и народной литературы. Вследствие такого изолированного рассмотрения возникших одновременно источников теряется всякое представление об особенностях отдельных периодов византийской литературы, а ее авторы не получают целостной характеристики, так как буквально «разрезаются на части» по отдельным главам, разделам и выпускам работы. Если Крумбахер, отдавая себе отчет во всех последствиях такого искусственного разъятия, принял компромиссный принцип синхронно-жанрового описания, когда, при рассмотрении материала по жанрам, творчество каждого автора, оставившего жанрово-многообразное наследие, относилось целиком в рубрику того рода литературы, который он преимущественно представлял, то Дёльгер строит свою работу еще более формально, и авторы беспощадно каталогизируются по множеству мелких рубрик; такова судьба Агафия, Феодора Продрома, Пселла, Павла Силенциария и многих других.

Далее, в полном соответствии с «Византийской литературой» Крумбахера, литература художественная не противопоставляется в виде особой формы идеологии литературе научной, существенными чертами отличной от нее, и потому во втором разделе очерка, посвященного прозаическим жанрам, ее рассмотрение без всяких к тому оснований занимает равноправное место с изложением материала собственно литературы. Вызывает недоумение и выделение памятников, написанных не на «литературном» языке, в отдельный очерк; благодаря этому каждый конкретный истори-

ческий период получает неправильное, одностороннее освещение, лишаясь таких значительных и характерных произведений, как эпос о Дигенесе Акрите, роман об Александре, родосская лирика, любовно-рыцарский роман и т. п.

Прежде чем перейти к анализу работы по главам, необходимо сделать еще несколько замечаний общего характера. Уже упоминалось, что вследствие разбивки наследия того или иного автора на отдельные изолированные рубрики, не представляется возможным проследить эволюцию писателя и дать общую характеристику его творчества. Эти насущнейшие задачи всякого литературоведческого исследования заменены и здесь (как у Крумбахера и Дитериха) методом описания, сводящегося к регистрации ряда внешних фактов, из которых пересказ содержания произведений и сообщение данных биографии занимают, наряду с бездоказательно-оценочным выводом, главное место.

При таком подходе к материалу остается загадкой, на какой круг читателей ориентирована эта книга, ибо чрезвычайная лапидарность изложения лишает ее необходимой для справочника полноты, а отсутствие выводов не позволяет предполагать, что она рассчитана на специалиста в смежной области, требующего от работы подобного типа прежде всего обобщений, касающихся процесса в целом и его важнейших моментов. Объяснения общеизвестных для филолога терминов, имеющиеся в книге¹, может быть, служат доказательством того, что она предназначалась для широких кругов читателей; если это так, то следует и в этом пункте отметить принципиальное отличие буржуазных работ этого рода от советских, знакомящих читателя с последними теоретическими выводами в представляемой ими области, а не предлагающих ему формально расклассифицированных сырых фактов. Однако на кого бы книга Дельгера ни была бы рассчитана, она вряд ли окажется в состоянии обогатить представления читателя о византийской литературе.

Рецензируемая работа распадается на следующие части: общая характеристика византийской литературы (стр. 7—13), общая характеристика поэзии (стр. 13—15), общая характеристика светской поэзии (стр. 15—17), эпос (стр. 17—23), лирика (стр. 23—29), общая характеристика духовной поэзии (стр. 29), духовная поэзия в античных формах (стр. 29—32), ритмическая (т. е. организованная по принципам ударного стихосложения), литургическая поэзия (стр. 32—37), византийская метрика и прозаический ритм (стр. 37—45).

В первом разделе (общая характеристика византийской литературы) Дельгер, внося отдельные коррективы в суждения своих предшественников, высказывает ряд оригинальных мыслей относительно присущих византийской литературе особенностей, в значительной мере обусловленных специфическим теократическим мироощущением и свойственной византийцам идеей избранничества. Этими чертами автор объясняет, в частности, ее панегирически-придворный дух, ученость, абстрактность, консерватизм, доминирующее положение историографии. Однако указанные моменты далеко не исчерпывают специфических черт византийской литературы во всем ее многообразии; они неполно и подчас неверно характеризуют даже константинопольскую школу, а будучи распространены на всю литературу, не отвечают ее подлинному лицу. Таким образом, и Дельгер, следуя порою традицией, отождествляет византийскую литературу с литературой Константинополя и, определив ее черты как раз и навсегда данные, не

¹ F. Dölger, *Op. cit.*, S. 23 (элегический дистих), S. 38 (цезура), S. 35 (исколия, гнемический), S. 19 (амвон) и т. д.

видит их развития и изменения на протяжении более чем тысячелетнего существования Византийской империи; подобного рода общая характеристика всей литературы от IV до XV в. неверна и антиисторична, ибо как экономика, так и культура общества не остаются неизменными и, следовательно, не могут быть определены характерные черты, пригодные для всех периодов и направлений византийской литературы, как надстройки этого общества. Подобные воззрения на отсутствие развития в Византии в высшей степени характерны и для исторических работ Дёльгера¹. Некоторые моменты, которые отмечены автором рецензируемого труда как играющие центральную роль в его концепции византийской литературы, например ее консерватизм, т. е. возведенное в принцип византийской теорией и практикой подражание античным образцам, приведшее, по мнению Дёльгера, к эпигонству (стр. 9—10), требуют специального обсуждения. Следует обратить внимание на то, что автор ставит знак равенства между субъективным стремлением византийских писателей и теоретиков копировать античные памятники и объективным результатом их деятельности, очень далеким от поставленных задач. Будучи представителями другой эпохи, они вносили в свои «копии» так много качественно нового, что создавались произведения, в высшей степени непохожие на соответствующие древние памятники; таким образом, говорить о слепом подражании и эпигонстве византийской литературы даже в первые века ее существования не приходится. Позволим себе привести один пример: эпиграмматическая поэзия Агафия (VI в.), как это видно из сопоставления ее с античной эпиграммой Палатинской антологии, и по форме (она отходит от эпиграмматической сжатости и превращается в элегию) и по мировоззрению очень далека от древних образцов этого жанра. Если отказаться от методов, применяемых при анализе памятников новой литературы, где творческие индивидуальности, в силу ряда причин, выступают рельефнее, можно увидеть, что Агафий, особенно в своих любовных эпиграммах, значительно отличается и от эпиграмматистов своего времени и от античных авторов V книги Антологии, представлявших примитивный эрос древних, в то время как Агафий, предвзято средневековых трубадуров, поднимается в ряде моментов до подлинной лирики индивидуальной любви.

Та же картина своеобразия, с большей или меньшей отчетливостью, наблюдается при внимательном анализе и со стороны формы и со стороны содержания творчества любого представителя византийской литературы. Преувеличение подражательного характера византийской литературы приводит Дёльгера в конце концов к абсурду — многовековая культурная жизнь страны, вопреки всем историческим сдвигам и изменениям, продолжает светить отраженным светом, чуждым ей по своему существу. Кроме того, считать консерватизм византийской литературы и ее робость в проложении новых путей специфической чертой, обусловленной идеей избранничества греков, вряд ли правильно уже потому, что эта особенность как нельзя более свойственна литературе античной и, следовательно, нет надобности выдвигать ее как нечто в первую очередь и безусловно характерное для византийской культуры.

Еще одно положение вводного очерка не может нас удовлетворить; мы имеем в виду определение исторической роли византийской литературы, которую автор видит не в ее самостоятельном значении, а во влиянии на Восточную Европу, главным образом на Сербию, Россию и Болгарию (стр. 12). Точка зрения эта не нова; она высказывалась и Крумбахером

¹ Ср. критические замечания А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 20.

и еще отчетливее Дитерихом и в конечном счете базируется на признании эпигонского характера византийской литературы. Следует обратить внимание на то, что постулат о несамостоятельном ее характере, по существу, уже опровергнут исследованиями, вышедшими в свет за пятьдесят лет, отделяющих книгу Дельгера от работ Крумбахера и Дитериха, и что вопрос о так называемом византийском влиянии на Русь пересмотрен. Следовательно, повторение Дельгером традиционных точек зрения обусловлено недостаточным использованием новейших работ по частным проблемам византийской литературы и в первую очередь игнорированием достижений советской науки в изучении русско-византийских связей.

За вводным разделом, определяющим византийскую литературу в целом, следует общая характеристика поэтической литературы, сведенная, однако, к характеристике одной светской поэзии. И здесь, конкретизируя высказанные ранее положения, Дельгер рисует мрачную картину, подчеркивая подражательность, холодность и унылое однообразие стихотворных памятников (стр. 13—14). Совершенно справедливо отмечая, что, вследствие преобладания в мировоззрении византийцев религиозно-политических моментов, круг разрабатываемых поэзией тем составляют преимущественно придворная жизнь и религия, автор вмывает это византийской литературе в упрек. Иначе говоря, автор, подобно подавляющему большинству буржуазных литературоведов, оперирует субъективным оценочным критерием. В самом деле, почему придворно-политическая и религиозная поэзия сами по себе хуже лирической, и из чего явствует, что последняя должна быть определяющей?

Свойственное всей работе Дельгера стремление абсолютизировать некие исторически преходящие черты византийской литературы и возводить их в разряд общих для всех эпох ее существования качеств заставляет его считать такого рода специфической для византийской поэзии чертой отсутствие в ней любовной лирики и мифологии; между тем любовная лирика в чистом виде живет в византийской поэзии до VI в., занимая в ней почетное место (Агафий, Павел Силенциарий, Юлиан Египетский и другие эпиграмматисты), а впоследствии модифицируется, переплетаясь и перекрещиваясь с культовой лирикой в честь девы Марии; мифология же богато представлена в памятниках первых трех веков византийской литературы; спорадически используемая на всем протяжении ее долгого существования, она никогда не исчезает из нее бесследно.

Для советской византистики безусловно неприемлемы пессимистическая оценка византийской поэзии, равно как и признание специфическими таких черт, как отсутствие любовной лирики и мифологии, подражательность. Практическая часть раздела, посвященного светской поэзии, носит описательный характер и вследствие сжатости изложения (ведь вся византийская поэзия, если исключить разделы общих характеристик и метрики, изложена автором на 14 страницах) сводится к перечислению имен и произведений; иногда, что далеко не украшает работу, этот перечень разнообразится давно устаревшими и не подкрепленными какими-либо доказательством отсылками о тех или иных писателях. Чтобы составить впечатление о методах подхода к материалу, господствующих в этой части книги Дельгера, достаточно привести несколько примеров. Автор без какой бы то ни было аргументации расценивает романы XII в. как совершенно подражательные и находящиеся в полной зависимости от греческого романа (стр. 20—21). Между тем они усваивают (и то в самой общей форме) только традиционный сюжетный костяк, на формальном основании которого, исходя из новых запросов, строят свою

концепцию жизни; степень сюжетной близости к античным памятникам этого жанра для всех византийских романов не одинакова и варьирует у различных писателей в меру их самобытности, так что иные из них даже в этом отношении оказываются связанными с античной традицией самым поверхностным образом. Еще более показательна для рецензируемой работы следующая курьезная характеристика, исчерпывающая для автора все то, что он может сообщить о Николае Калликле. «В начале XII в. талантливый Николай Калликл (конец XI—начало XII в.) писал изящные пустяки» (стр. 26). В таком роде рассматривается весь материал.

Переходя к духовной поэзии, автор и здесь разбивает памятники на две категории: к одной он относит произведения, написанные в античных формах, т. е. по законам квантитативной метрики, к другой — организованные на основе ударного принципа; при этом он упускает из виду общность и их мировоззрения и их сосуществование. Кроме метрики, он выдвигает в качестве критерия подобного рода классификации факт использования или неиспользования произведения в литургических целях. Подлинное исследование духовной поэзии в античных формах подменяет каталог имен ее представителей (даже таким выдающимся поэтам, как Синезий или Григорий Назианзин, уделено по одной фразе) и никак не аргументированное утверждение о несамостоятельности гимнографии этого типа после V в. (стр. 29—30). Остается пожалеть, что ни в разделе о духовной поэзии в античных формах, ни в следующем, посвященном духовной поэзии, созданной на базе ударного принципа стихосложения, материалом исследования не подтверждается высказанный во введении к разделу тезис об оригинальности и новых путях византийской гимнографии (стр. 29), за исключением указания на появление новых метров (стр. 29 и 32). Творчество самого крупного из византийских гимнографов, Романа, не раскрыто совсем: не показаны особенности его мироощущения и их эволюция, а изложение, схоластичность которого особенно чувствуется в этой части, из-за отсутствия иллюстративного материала не позволяет читателю хотя бы отдаленно представить себе тот тип поэзии, о которой идет речь (контакион) (стр. 33—35).

Хотя заключающий книгу очерк византийской метрики не является, как, впрочем, и весь остальной ее материал, плодом самостоятельного исследования, он основан на историческом синхронном принципе и, пожалуй, наиболее удачен сравнительно с другими частями работы Дельгера. Сам по себе этот факт знаменателен: там, где буржуазный ученый соприкасается с миром форм, он чувствует себя в своей стихии, описательный метод подхода к материалу получает оправдание и перестает выглядеть давно преодоленным анахронизмом. Основанная на изучении оригинальных работ по позднеантичной и византийской метрике и ритмике художественной прозы, компиляция Дельгера составлена в этой части удачно и предлагает полезный очерк для всякого интересующегося этой гонкой и чрезвычайно важной в вопросах хронологической и персональной атрибуции¹ область византийской филологии. Убедительно очерчена постепенная замена квантитативного принципа ударным, на основе которого создается ряд новых, неизвестных античности стихотворных размеров (метры гимнической поэзии, пятнадцатисложник, двенадцатисложники и др.).

Краткий обзор современного состояния науки о византийской литературе показывает, что давно уже назрела необходимость появления в этой

¹ Достаточно напомнить, что путем анализа ритмики была установлена принадлежность «Тайной истории» Прокопию.

области советских обобщающих работ, которые дали бы подлинно научную, основанную на глубоком изучении истории и понимании литературы как социально-обусловленной формы идеологии, концепцию процесса во всем его специфическом своеобразии. Пути такого исследования намечены работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», развившего основной тезис марксизма о взаимоотношении базиса и надстройки. Византийская литература должна, как всякая надстройка, рассматриваться в теснейшей связи с экономическим строем общества и, что особенно следует учесть, как активная по отношению к своему базису сила: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя»¹.

С. Полякова

R. CANTARELLA. POETI BYZANTINI. VOL. I—II.

Testi (XI + 254 стр.) Vol. II. Introduzione, Traduzioni e Commento. (VII + 288 стр.) Milano, 1948

В рассматриваемой ниже антологии Р. Кантарелла задается целью с возможной полнотой представить византийское поэтическое наследие всего периода существования империи. При этом он даже расширяет хронологические рамки византийской литературы, неправоммерно включая в свой сборник ряд произведений, созданных до IV или после XV в. Так, например, антология открывается отрывком прорицаний Сивиллы, которые автор датирует II в. (т. II, стр. 45), и произведениями Климента Александрийского (конец II в.), а завершается новогреческими народными песнями, созданными в послевизантийский период (XV—XVI вв.).

Подобный расширенный охват материала можно было бы приветствовать в курсе истории литературы, ибо процесс ее формирования и развития не может быть понят без рассмотрения тех явлений и памятников предшествующих веков, которые связаны с исследуемой литературой непосредственной преемственностью². Что касается антологий, дающих выборку наиболее существенного и характерного для данной литературы, они, по нашему мнению, должны быть ограничены строгими хронологическими рамками, тем более что размеры сборника в данном случае весьма скромны. Том I «Poeti Byzantini» насчитывает 254 стр. текста, в результате чего некоторым авторам, в том числе и наиболее значительным, Кантарелла отводит непропорционально мало места: так, из Синезия помещен лишь один гимн в 70 стихов (стр. 34), из Палладия всего 7 эпиграмм, занимающих полторы страницы (стр. 40—41), из Агафия — 9 эпиграмм (стр. 58—60), из Павла Силенциария — 11 эпиграмм и маленький отрывок из экфразы св. Софии (стр. 60—63); произведения Романа Сладкопевца занимают всего 6 стр. (67—72), из Писиды помещено немного более 100 строк (стр. 97—100); произведения такого крупного поэта, как Феодор Студит, занимают немногим более одной страницы (121—122), произведения Христефора Митиленского — 3 стр. (154—157); даже Феодору Продрому, чье творчество столь многообразно, отведено всего

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 7.

² Однако существующие курсы истории византийской литературы, как правило, сужают хронологические рамки, начиная иной раз лишь с литературы VI в. См. критические замечания в публикуемой в этом томе рецензии С. В. Поляковой.